ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

русских писателей

Сборник

Христос Воскресе! Пасхальные рассказы русских писателей

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 27-565.6
ББК 86.372

Сборник

Христос Воскресе! Пасхальные рассказы русских писателей / Сборник — «РИПОЛ Классик», 2017

ISBN 978-5-386-09806-3

Самый радостный из православных праздников – это Пасха, Воскресение Христово. Сегодня Светлую Пасху празднуют даже те, кто почти не заглядывает в церковь на протяжении года. Атмосфера Добра и всеобщей Радости, освещённые Пасхальные куличи, творожные пасхи и крашеные яйца могут растопить сердце каждого. Старинные обычаи и традиции, повторяясь из года в год, являются прекрасным связующим звеном поколений и наполняют сердца Истинным Светом.В нашей замечательной книге читатель найдёт различные произведения писателей-классиков, включая эксклюзивные очерки сотрудников дореволюционных журналов, посвящённых Пасхе.Эта книга станет прекрасным подарком для каждого светлого человека.

УДК 27-565.6
ББК 86.372

ISBN 978-5-386-09806-3

© Сборник, 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

От редакции 5
Светлое воскресенье 7
Детские годы Багрова-внука 8
Пасхальные колокола 11
Пасха 1919 г. 14
На чужой стороне 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Христос Воскресе! Пасхальные рассказы русских писателей

От редакции

С древних времен люди прекрасно понимали, что именно на праздниках, а не на буднях, держится весь год. Именно праздники напоминают нам о том, как делят дни и месяцы, об уходящем прошлом и грядущем будущем… Праздник – день, выпадающий из обычного течения жизни, день, который нужно провести особенно и запомнить надолго. День, который нетерпеливо ждешь целый год и почему-то волнуешься, как будто он может и не наступить. День, который напоминает о детстве. Ведь дети – это маленькие консерваторы, которые очень любят, чтобы в праздники все совершалось «по правилам».

Среди годового круга христианских праздников самый радостный – Пасха, Воскресение Христово. Пасху празднуют даже те, кто никогда не ходит в церковь. Куличи, творожные пасхи, крашеные яйца могут растопить сердце даже заядлого атеиста – ведь должно что-то в жизни оставаться неизменным. В самые безбожные времена власть снисходительно смотрела на пристрастие людей к ритуальной праздничной снеди, и появлялись на прилавках булочных куличи, стыдливо именовавшиеся «Кекс весенний». Старинные обычаи, повторяясь из года в год, связывают нас, взрослых, с собственным детством, детством наших родителей, и дальше – с глубиной веков. С тем самым красным яйцом, которое Мария Магдалина принесла грозному римскому императору Тиберию, чтобы сообщить ему о воскресении Христа.

Пасхе предшествует Страстная неделя, когда верующие вспоминают о страданиях Христа. Великий Четверг – день Тайной Вечери, последнего ужина Спасителя с учениками, день его моления в Гефсиманском саду: «Да минет меня чаша Сия…» Великая Пятница – день Его мучительной смерти на кресте. В церкви происходит вынос Плащаницы – и это символ погребения Христа, совершаемого скорбными учениками. Каждое чуткое сердце переживает в эти дни евангельские события так, словно они происходят сегодня – об этом повествует один из лучших рассказов А. П. Чехова «Студент».

И вот еще в центре храма находится Плащаница со спящим во гробе Христом – а к храму уже идут люди с праздничной снедью, украшенной наивными бумажными цветами, красными свечами, закутанной в красивые вышитые полотенца. «Праздников праздник и торжество из торжеств…» Воскресение – будет.

Но даже те, кто не задумывается в эти дни о религиозных истинах, кто равнодушен к обрядам и обычаям, прекрасно знают: Пасха – это весна, а значит, обновление мира. И нет такого мрачного человека, который не улыбнулся бы весеннему гомону птиц, ясному небу, радостному звону колоколов.

Каждая деталь праздничного быта дорога человеку. И потому каждый писатель, вспоминая детство, подробнейшим образом отвечает на вопрос «Как мы праздновали». Все – и еда, и подарки, и слова – обретало торжественность ритуала. И все-таки, как сказал один великий писатель, самого главного глазами не увидишь. А потому основной темой рассказов, исправно появлявшихся в пасхальных журналах, были добрые дела. Ведь любовь, жалость, милосердие – самые великие чудеса нашего мира.

Тексты, которые мы представляем читателю, неравнозначны: здесь и рассказы классиков, и воспоминания, и очерки рядовых, скромных сотрудников дореволюционных журналов, которые иногда даже не подписывали статей своими именами. Но они едины в одном – искренней любви к празднику, свет которого каждый проносил через всю жизнь.

А какие необычные слова и выражения несут нам старинные рассказы! Причудливые, затейливые, давно забытые… И очень красивые. Одни относятся к народным обычаям: например, здесь упоминается «четверговая соль», приносившая здоровье и защищавшая людей от всякого зла. Другие – к обычной, повседневной жизни. Но, не зная ее, можно ли понять своих предков? Что такое, к примеру, шемаханский шелк – сегодня представляют себе немногие. Значение этих и многих других слов подскажет наша книга…

Перелистывая страницы нашей праздничной книги, мы бродим по эпохам и странам: вот Рим и первые христиане, вот Иерусалим, а вот и Москва, наполненная солнечным светом и капелью. Предназначение этой книги не в том, чтобы рассказать обо всех обычаях и традициях, связанных со Светлым праздником, а в том, чтобы мы смогли ощутить его атмосферу – запах весны, гул колоколов и, конечно же, надежду на чудо.

Светлое воскресенье
К. Ушинский

Я решился не спать в эту ночь; но, когда стемнело, братья и сестры заснули, то и я, сидя в креслах, задремывал, хоть и знал, что в зале накрывали большой стол чистою скатертью и расставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хороших вещей.

Ровно в полночь ударили в соборе в большой колокол: в других церквах ответили, и звон разлился по всему городу. На улицах послышалась езда экипажей и людской говор. Сон мигом соскочил с меня, и мы все вместе отправились в церковь. На улицах темно; но церковь наша горит тысячами огней и внутри, и снаружи. Народу валит столько, что мы едва протеснились. Мамаша не пустила меня с крестным ходом вокруг церкви. Но как обрадовался я, когда наконец за стеклянными дверями священники появились в блестящих ризах и запели «Христос воскресе из мертвых!». Вот уже именно из праздников праздник!

После ранней обедни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокруг церкви!

Мы воротились домой, когда уже рассветало. Я похристосовался с нашей нянею: она, бедняжка, больна и в церковь не ходила. Потом все стали разговляться, но меня одолел сон.

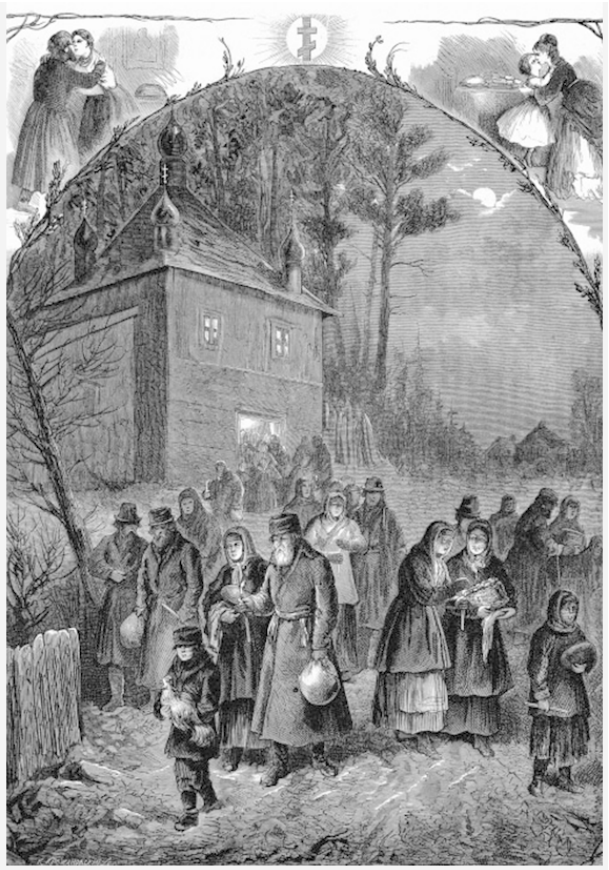
Когда я проснулся, яркое солнышко светило с неба и по всему городу гудели колокола.

Детские годы Багрова-внука
Отрывок
С. Аксаков

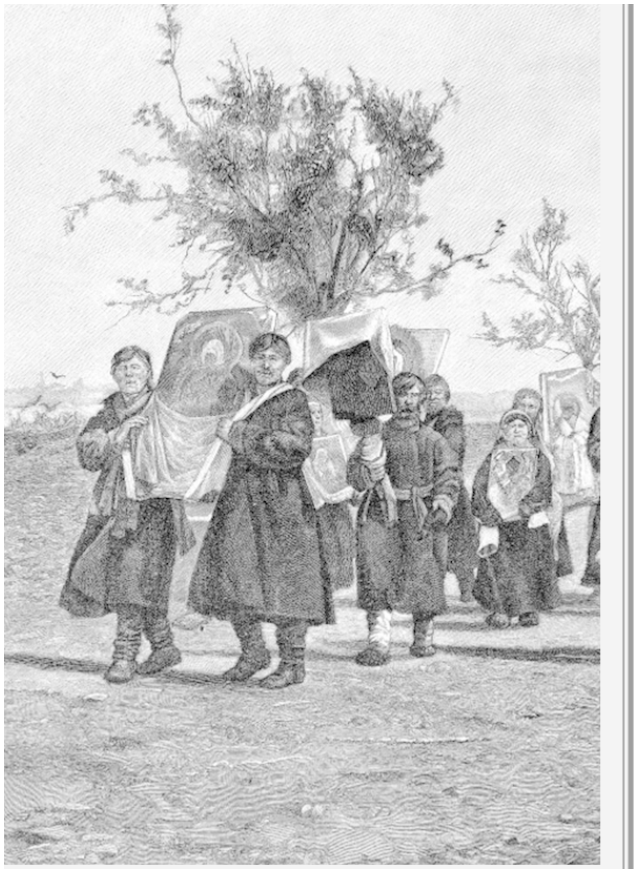
С четверга на Страстной начали красить яйца: в красном и синем сандале, в серпухе и луковых перьях; яйца выходили красные, синие, желтые и бледно-розового рыжеватого цвета. Мы с сестрицей с большим удовольствием присутствовали при этом крашенье. Но мать умела мастерски красить яйц, а в мраморный цвет разными лоскутками и шемаханским шелком. Сверх того, она с необыкновенным искусством простым перочинным ножичком выскабливала на красных яйцах чудесные узоры, цветы и слова: «Христос Воскрес». Она всем приготовила по такому яичку, и только я один видел, как она над этим трудилась. Мое яичко было лучше всех, и на нем было написано:

«Христос Воскрес, милый друг Сереженька!» Матери было очень грустно, что она не услышит заутрени Светлого Христова Воскресенья, и она удивлялась, что бабушка так равнодушно переносила это лишенье; но бабушке, которая бывала очень богомольна, как-то ни до чего уже не было дела.

Я заснул в обыкновенное время, но вдруг отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освещена, кивот с образами растворен, перед каждым образом, в золоченой ризе, теплилась восковая свеча, а мать, стоя на коленях, вполголоса читала молитвенник, плакала и молилась. Я сам почувствовал непреодолимое желанье помолиться вместе с маменькой и попросил ее об этом. Мать удивилась моему голосу и даже смутилась, но позволила мне встать. Я проворно вскочил с постели, стал на коленки и начал молиться с неизвестным мне до тех пор особого рода одушевленьем; но мать уже не становилась на колени и скоро сказала: «Будет, ложись спать». Я прочел на лице ее, услышал в голосе, что помешал ей молиться. Я из всех сил старался поскорее заснуть, но не скоро утихло детское мое волненье и непостижимое для меня чувство умиленья. Наконец мать, помолясь, погасила свечки и легла на свою постель. Яркий свет потух, теплилась только тусклая лампада; не знаю, кто из нас заснул прежде. К большой моей досаде, я проснулся довольно поздно: мать была совсем одета; она обняла меня и, похристосовавшись заранее приготовленным яичком, ушла к бабушке. Вошел Евсеич, также похристосовался со мной, дал мне желтое яичко и сказал: «Эх, соколик, проспал! Ведь я говорил тебе, что надо посмотреть, как солнышко на восходе играет и радуется Христову Воскресенью». Мне самому было очень досадно; я поспешил одеться, заглянул к сестрице и братцу, перецеловал их и побежал в тетушкину комнату, из которой видно было солнце, и, хотя оно уже стояло высоко, принялся смотреть на него сквозь мои кулаки. Мне показалось, что солнышко как будто прыгает, и я громко закричал: «Солнышко играет! Евсеич правду сказал». Мать вышла ко мне из бабушкиной горницы, улыбнулась моему восторгу и повела меня христосоваться к бабушке. Она сидела, в шелковом платке и шушуне, на дедушкиных креслах; мне показалось, что она еще более опустилась и постарела в своем праздничном платье. Бабушка не хотела разгавливаться до полученья петой пасхи и кулича, но мать сказала, что будет пить чай со сливками, и увела меня с собою.

*С*ветлое воскресенье.
Рис. Г. Бролинг, грав. А. И. Зубчанинов

О*рловские «богоносцы», ходящие по деревням.*
Рис. Н. Ткаченко, грав. В. Зубчанинов

Отец с тетушками воротился еще до полудня, когда нас с сестрицей только что выпустили погулять. Назад проехали они лучше, потому что воды в ночь много убыло; они привезли с собой петые пасхи, куличи, крутые яйца и четверговую соль. В зале был уже накрыт стол; мы все собрались туда и разговелись. Правду сказать, настоящим-то образом разгавливались бабушка, тетушки и отец; мать постничала одну Страстную неделю (да она уже и пила чай со сливками), а мы с сестрицей только последние три дня; но зато нам было голоднее всех, потому что нам не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухою из окуней, медом и чаем с хлебом. Для прислуги была особая пасха и кулич. Вся дворня собралась в лакейскую и залу; мы перехристосовались со всеми; каждый получил по кусочку кулича, пасхи и по два красных яйца, каждый крестился и потом начинал кушать.

Пасхальные колокола
А. Куприн

Быстро-быстро промчались впечатления вчерашнего дня и Великой ночи: плащаница в суровой холодной темноте собора, воздержание от еды до разговения, дорога в церковь, в тишине и теплоте апрельского синего вечера, заутреня, крестный ход, ликующая встреча восставшего из гроба Христа, восторженное пение хора, подвижная, радостная служба, клир в светлых сияющих парчовых ризах, блеск тысяч свечей, сияющие лица, поцелуи; чудесная дорога домой, когда так нежно сливаются в душе усталость и блаженство, дома, огни, добрый смех, яйца, кулич, пасха, ветчина и две рюмочки сладкого портвейна; глаза слипаются; в доме много народа, поэтому тебе стелют постель на трех стульях, поставленных рядком; погружаешься в сон, как камень падает в воду.

Утром проснулся я, и первое, еще не осознанное впечатление большой – нет! – огромной радости, которой как будто бы пронизан весь свет: люди, звери, вещи, небо и земля. Побаливает затылок, также спина и ребра, помятые спаньем в неудобном положении на жесткой подстилке, на своей же кадетской шинельке с медными пуговицами. Но что за беда? Солнце заливает теплым текучим золотом всю комнату, расплескиваясь на обойном узоре. Господи! Как еще велик день впереди, со всеми прелестями каникул и свободы, с невинными чудесами, которые тебя предупредительно ждут на каждом шагу!

Как невыразимо вкусен душистый чай (лянсин императорский!) с шафранным куличом и с пасхой, в которой каких только нет приправ: и марципан, и коринка, и изюм, и ваниль, и фисташки. Но ешь и пьешь наспех. Неотразимо зовет улица, полная света, движения, грохота, веселых криков и колокольного звона. Скорее, скорее!

На улице сухо, но волнующе, по-весеннему, пахнет камнем тротуаров и мостовой, и как звонко разносятся острые детские крики! Высоко в воздухе над головами толпы плавают и упруго дергаются разноцветные воздушные шары на невидимых нитках. Галки летят крикливыми стаями… Но раньше всего – на колокольню!

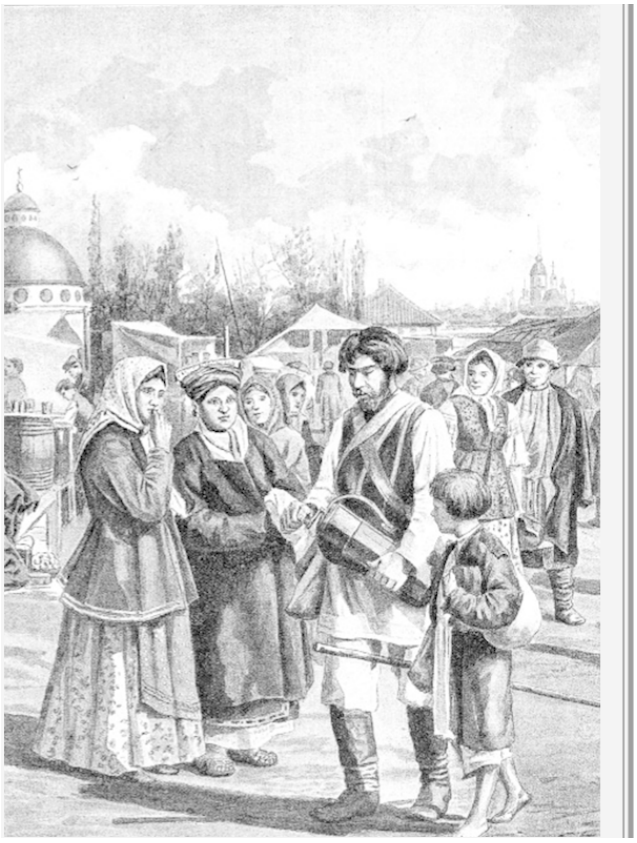
Все ребятишки Москвы твердо знают, что в первые три дня Пасхи разрешается каждому человеку лазить на колокольню и звонить, сколько ему будет удобно. Даже и в самый большой колокол!

Вот и колокольня. Темноватый ход по каменной лестнице, идущей винтом. Сыро и древне пахнут старые стены. А со светлых площадок все шире и шире открывается Москва.

Колокола. Странная система веревок и деревянных рычагов-педалей, порою повисших совсем в воздухе, почти наружу. Есть колокола совсем маленькие: это дети; есть побольше – юноши и молодые люди, незрелые, с голосами громкими и протяжными: в них так же лестно позвонить мальчугану, как, например, едучи на извозчике, посидеть на козлах и хоть с минуту подержать вожжи. Но вот и Он, самый главный, самый громадный колокол собора; говорят, что он по величине и по весу второй в Москве, после Ивановского, и потому он – гордость всей Пресни.

*Х*ристос воскресе!
Рис. А. Лебедева, грав. К. Вейерман

«*Под качелями». Народное гуляние в провинциальном городке.*
Рис. Н. Ткаченко, автотипия Э. Гоппе

Трудно и взрослому раскачать его массивный язык; мальчишкам это приходится делать артелью. Восемь, десять, двенадцать упорных усилий и, наконец, – баммм… Такой оглушительный, такой ужасный, такой тысячезвучный медный рев, что больно становится в ушах и дрожит каждая частичка тела. Это ли не удовольствие?

Самый верхний этаж – и вот видна вокруг вся Москва: и Кремль, и Симонов монастырь, и Ваганьково, и Лефортовский дворец, и синяя изгибистая полоса Москва-реки, все церковные купола и главки: синие, зеленые, золотые, серебряные… Подумать только: сорок сороков! И на каждой колокольне звонят теперь во все колокола восхищенные любители. Вот так музыка! Где есть в мире такая? Небо густо синеет – и кажется таким близким, что вот-вот дотянешься до него рукою. Встревоженные голуби кружатся стаями высоко в небе, то отливая серебром, то темнея.

И видишь с этой верхушки, как плывут, чуть не задевая за крест колокольни, пухлые серьезные белые облака, точно слегка кружась на ходу.

Пасха 1919 г.
М. Цветаева

Была Страстная суббота. Поздний вечер ее. Убитая людским и дружеским равнодушием, пустотой дома и пустотой сердца, я сказала Але:

– Аля! Когда люди так брошены людьми, как мы с тобой, – нечего лезть к Богу – как нищие. У него таких и без нас много! Никуда мы не пойдем, ни в какую церковь, и никакого Христос Воскресе не будет – а ляжем с тобой спать – как собаки!

– Да, да, конечно, милая Марина! – взволнованно и убежденно залепетала Аля, – к таким, как мы, Бог сам должен приходить! Потому что мы застенчивые нищие, правда? Не желающие омрачать Его праздника.

Застенчивые или нет, как собаки или нет, но тут же улеглись вместе на единственную кровать – бывшую прислугину, потому что жили мы тогда в кухне.

Теперь я должна немножко объяснить дом. Дом был двухэтажный, и квартира была во втором этаже, но в ней самой было три этажа. Как и почему – объяснить не могу, но это было так: низ, с темной прихожей, двумя темными коридорами, темной столовой, моей комнатой и Алиной огромной детской, верх с той самой кухней, и еще другими, и из кухни ход на чердак, даже два чердака, сначала один, потом другой, и один другого – выше, так что, выходит – было четыре этажа.

Все было огромное, просторное, запущенное, пустынное, на простор и пустоту помноженное, и тон всему задавал чердак, спускавшийся на второй чердак и оттуда распространявшийся на все помещение вплоть до самых отдаленных и как будто бы сохранных его углов.

Зиму 1919 г., как я уже сказала, мы – Аля, Ирина и я – жили в кухне, просторной, деревянной, залитой то солнцем, то луною, а – когда трубы лопнули – и водою, с огромной разливанной плитой, которую мы топили неудавшейся мушиной бумагой какого-то мимолетного квартиранта (бывали – и неизменно сплывали, оставляя все имущество: этот – клейкую бумагу, другой – тысяч пять листов неудавшегося портрета Розы Люксембург, еще другие – френчи и галифе… и все это оставалось – пылилось – и видоизменялось – пока не сжигалось)…

Итак, одиннадцать часов вечера Страстной субботы. Аля, как была в платье, – спит, я тоже в платье, но не сплю, а лежу и жгу себя горечью первой в жизни Пасхи без Христос Воскресе, доказанностью своего собачьего одиночества… Я, так старавшаяся всю зиму: и дети, и очереди, и поездка за мукой, где я чуть голову не оставила, и служба в Наркомнаце, и рубка, и топка, и три пьесы – начинаю четвертую – и столько стихов – и такие хорошие – и ни одна собака…

И вдруг – стук. Легкий, резкий, короткий. Команда стука. Одним куском – встаю, тем же – не разобравшимся на руки и ноги – вертикальным пластом пробегаю темную кухню, лестницу, прихожую, нащупываю задвижку – на пороге Володя, узнаю по отграниченности даже во тьме и от тьмы.

– Володя, вы?

– Я, М. И., зашел за вами – идти к заутрене.

– Володя, заходите, сейчас, я только подыму Алю.

Наверху, шепотом (потому что это большая тайна и потому что Христос еще не воскрес):

– Аля! Вставай! Володя пришел. Сейчас идем к заутрене.

Разглаживаю впотьмах ей и себе волосы, бегом сношу ее по темнее ночи лестнице…

– Володя, вы еще здесь?

Голос из столовой:

– Кажется – здесь, М. И., я даже себя потерял, – так темно.

Выходим.

Аля, продолжая начатое и за спешкой недоконченное:

– Я же вам говорила, Марина, что Бог к нам сам придет. Но так как Бог – дух, и у Него нет ног, и так как мы бы умерли от страху, если бы Его увидели…

– Что? Что она говорит? – Володя. Мы уже на улице.

Я, смущенная:

– Ничего, она еще немножко спит…

– Нет, Марина, – слабый отчетливый голос изнизу, – я совсем не сплю: так как Бог не мог Сам за нами прийти – идти в церковь, то Он и послал за нами Володю. Чтобы мы еще больше в Него верили. Правда, Володя?

– Правда, Алечка.

Церковь Бориса и Глеба: наша. Круглая и белая, как просфора. Перед этой церковью, как раз в часы службы, целую зиму учат солдат. Внутри – служат, а снаружи – маршируют: тоже служат. Но сейчас солдаты спят.

Входим в теплое людное многосвечное сияние и слияние. Поют женские голоса, тонко поют, всем желанием и всей немощью, тяжело слушать – так тонко, где тонко, там и рвется, совсем на волоске – поют – совсем как тот профессор: у меня на голове один волос, но зато – густой?.. Господи, прости меня! Господи, прости меня! Господи, прости меня!.. Этого батюшку я знаю: он недавно служил с патриархом, который приехал на храмовый праздник – в черной карете, сияющий, слабый… И Аля первая подбежала к нему и просто поцеловала ему руку, и он ее благословил…

– М. И., идемте?

Выходим с народом – только старухи остаются.

– Христос Воскресе, М. И.!

У причастия.

Рис. И. Ижакевича, автотипия «Нивы»

– Воистину Воскресе, Володя!

Домой Аля едет у Володи на руках. Как непривычный к детям, несет ее неловко – не верхом, на спине, и не сидя, на одной руке, а именно несет – на двух вытянутых, так что она лежит и глядит в небо.

– Алечка, тебе удобно?

– Блаженно! Я в первый раз в жизни так еду – лежа, точно Царица Савская на носилках!

(Володя, не ожидавший такого, молчит.)

– Марина, подойдите к моей голове, я вам что-то скажу! Чтобы Володя не слышал, потому что это – большой грех. Нет, нет, не бойтесь, не то, что вы думаете! Совсем приличное, но для Бога – неприличное!

Подхожу. Она, громким шепотом:

– Марина! А правда, те монашки пели, как муха, которую сосет паук? Господи, прости меня! Господи, прости меня! Господи, прости меня!

– Что она говорит? Аля, приподымаясь:

– Марина! Не повторяйте! Потому что тогда Володя тоже соблазнится! Потому что эта мысль у меня была от диавола, – ах, Господи, что я опять сказала! Назвала это гадкое имя!

– Алечка, успокойся! – Володя. (Мне: – Она у вас всегда такая? – Я: – Отродясь.) – Вот ты уже дома, ты сейчас будешь спать, а утром, когда проснешься…

В его руке темное, но явное очертание яичка.

На чужой стороне
И. Бунин

На вокзале не было обычной суматохи: наступила святая ночь. Когда прошел курьерский девятичасовой поезд, все поспешили докончить только самые неотложные дела, чтобы поскорее разойтись по квартирам, вымыться, надеть все чистое и в семье, с облегченным сердцем, дождаться праздника, отдохнуть хоть ненадолго от беспорядочной жизни.

Полутемная зала третьего класса, всегда переполненная людьми, гулом настойчивого говора, тяжелым теплым воздухом, теперь была пуста и прибрана. В отворенные окна и двери веяло свежестью южной ночи. В углу восковые свечи слабо озаряли аналой и золотые иконы, и среди них грустно глядел темный лик Спасителя. Лампада красного стекла тихо покачивалась перед ним, по золотому окладу двигались полосы сумрака и света…

Проезжим мужикам из голодающей губернии некуда было пойти приготовиться к празднику. Они сидели в темноте, на конце длинной платформы.

Они чувствовали себя где-то страшно далеко от родных мест, среди чужих людей, под чужим небом. Первый раз в жизни им пришлось двинуться на «низы», на дальние заработки. Они всего боялись и даже перед носильщиками неловко и торопливо сдергивали свои растрепанные шапки. Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока к ним выйдет тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станции (они уже успели прозвать его «кочетком») и строго объявит, когда и какой товарный поезд потянет их на Харцызскую. Со скуки они весь день проспали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.